5. Речь к избранию городского главы г. Велижа // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 2. – С. 63–67.

6. Что может сделать Православное Русское духовенство на предстоящих народных выборах Представителей в Государственную Думу // Гродненские епархиальные ведомости. – 1906. – №1. – С. 11–12.

7. Предложение преосвященного Константина духовенству епархии на собеседованиях в храмах и школах осведомлять местное население с ходом важнейших событий переживаемого военного времени // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 288.

8. *Клэпгэм, Э.* Правы чалавека: вельмі кароткія ўводзіны / Э. Клэпгэм. – Мінск: Тэхналогія, 2013. – 193 с.

9. Распоряжение консистории о произнесении проповедей // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 24. – С. 867.

10. Поучение на праздник Благовещения Пресвятыя Богородицы // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 6. – С. 214–215.

11. Слово в день освящения Минского привокзального храма // Минские епархиальные ведомости. – 1914. – № 24. – С. 519–520.

(Дата поступления: 25.10.2017).

Мастяница-Станкевич Ольга
Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва

Mastianica-Stankevič Olga
The Lithuanian Institute of History, Vilnus, Lietuva

УДК 94(474.5:316.343.652)«18/19»

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: НОВЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИТВЕ

INTELLIGENCE «LONG FOR THE XIX CENTURY»: NEW THEORETICAL AND METHODOLOGICAL DIRECTIONS OF RESEARCH IN LITHUANIA

В статье особое внимание уделяется дискурсу как новому теоретическому и методологическому направлению исследования коллективной идентичности интеллигенции на протяжении «долгого XIX века».

Ключевые слова: интеллигенция; «долгий XIX век»; дискурс; идентичность.

The article pays special attention to discourse as a new theoretical and methodological direction of the research of the collective identity of the intelligentsia during the «long XIX century».

Keywords: intelligence; «Long XIX century»; discourse; identity.

На протяжении «долгого XIX века» изменялась структура модернизирующегося общества, формировались новые социальные группы, членов которых между собой связывала профессиональная квалификация, общие источники материального достатка, схожие ценностные установки. Новой социальной группой являлась интеллигенция. В отличие от других социальных групп, интеллигенция как группа не была связана законодательным правом. Она была новой социальной группой не столько по формальным признакам, сколько по своему культурному и политическому значению в модернизирующемся обществе. По крайней мере, на землях бывшего Великого Княжества Литовского интеллигенция не может быть воспринимаема без учета ее влияния в общественных и национальных движениях. Именно национальные движения четко определили национальные и идеологические различия внутри интеллигенции, не позволив ей стать единой социальной группой, члены которой связаны между собой лишь профессиональными и корпорационными интересами.

В Литве, как и в других странах Восточной Европы, ведутся исследования в области интеллигенции. В литовской историографии есть попытки установить социальные, экономические, культурные и идеологические предпосылки возникновения интеллигенции как отдельной общественной группы, определена социальная и профессиональная структура интеллигенции в XIX веке, установлено, каковой вклад в развитие литовской политической мысли и государственности Литвы внесла интеллигенция [1; 2]. В данной статье особое внимание уделяется дискурсу как новому теоретическому и методологическому направлению исследования коллективной идентичности интеллигенции на протяжении «долгого XIX века».

Следует заметить, что дискурс – уже не новое, а, пожалуй, распространенное понятие. Под дискурсом понимают совокупность (письменных и устных) текстов, которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках – организационной деятельности, области социального взаимодействия. Дискурс становится самостоятельным смысловым полем – некой реальностью, которая развивается по соответствующим символическим законам. Именно дискурс является одним из самых важных элементов в процессе формирования групповой идентичности. Поскольку группы социально не пре-детерминированы (заранее не заданы), особенно интеллигенция, то они не существуют, пока не конструированы в дискурсе. Социальная группа также приобретает свою идентичность посредством репрезентации в дискурсе. Дискурс – это форма социальной практики, которая и конструирует социальный мир, и конструируется в других социальных практиках. Поэтому дискурс учувствует в формировании социальной идентичности, социальных отношений, системы знаний и значений. Посредством использования дискурсивных практик на протяжении «долгого XIX века» интеллигенция также опре-

деляла себя как отдельную социальную группу, устанавливала свое отношение к другим социальным группам, определяла свое место и значение в модернизирующемся обществе.

Как интеллигенция формировала свою коллективную идентичность? На этот вопрос мы хотели бы ответить, используя анализ литовского национального дискурса конца XIX – первых десятилетий XX века. Как известно, первые литовские нелегальные печатные издания появились в 1883 году. В данной статье каждый речевой случай об интеллигенции, зафиксированный в литовском национальном дискурсе, мы представляем как коммуникативное событие, содержащие три измерения – текст (речь, письмо, визуальный образ или их сочетание), дискурсивную практику, которая включает производство и потребление текстов, и социальную практику.

Как и интеллигенция в Восточной Европе, литовская интеллигенция представляла себя носителем новых ценностных установок модернизирующегося общества. Именно интеллигенция считала, что она в силах модернизировать общество и, соответственно, «сотворить» это общество более совершенным. Поэтому интеллигенция считала, что именно она ответственная за формирование новых ценностных установок, новых моделей социального и культурного поведения. Конечно, мессианистические черты коллективной идентичности характерны для интеллигенции Восточной Европы. Однако литовская интеллигенция этим чертам придала особенное значение – ответственность за модернизирующееся общество она приравняла к ответственности за формирование литовской модерной нации, а точнее – национального литовского общества.

Именно поэтому уже в последних десятилетиях XIX века литовская интеллигенция призывала отказаться от термина «интеллигенция» (как заимствование из русского и польского языков), а использовать литовский эквивалент в соответствии с правилами развития литовского литературного языка [3, p. 1]. Кроме того, уже в 1898 году лидер литовского национального движения Йонас Басанавичюс сформировал определение литовской интеллигенции: «Всех литовских интеллигентов очень просто узнать: они говорят по-литовски, они пропагандируют литовские национальные идеи» [4, p. 39].

В том же направлении формировать коллективную идентичность литовской интеллигенции предлагал и будущий президент Литовской Республики Антанас Сметона. В 1909 году в одном из литовских легальных периодических изданий он сожалел, что литовская интеллигенция, в отличие от польской и еврейской, не руководствуется национальными началами, которые должны определять коллективную идентичность литовской интеллигенции [5, p. 3]. А. Сметона, так же как и другие представители литовской интеллигенции, предлагал интеллигенции в первую очередь руководствоваться и представлять интересы литовского крестьянства, которые, по его мнению, являлись основными носителями литовской нацио-

нальной культуры и национальной идентичности. Как в 1905 году очень точно определил Петрас Леонас, представитель от литовских политических структур во Второй Государственной думе Российской империи, «литовская интеллигенция – это выходцы из крестьян, и поэтому в первую очередь она обязана учитывать интересы крестьянства и бороться за лучшие способы экономического и социального благосостояния этой общественной группы» [6, p. 3].

В конце XIX – первых десятилетиях XX века литовская интеллигенция, наряду с миссией развивать литовскую национальную идентичность, особое внимание также уделяла другого рода вопросу – как разрешить проблему «утраченной интеллигенции». Дело в том, что во второй половине XIX века большей части образованного литовского населения пришлось искать место работы во внутренних губерниях Российской империи. Ограничительная политика российских властей по отношению к образованию: несогласие открыть высшее учебное заведение, национальные преграды получить место в административном аппарате, – ограничивали возможность литовского общества вырастить необходимое количество квалифицированных специалистов. Поэтому профессиональная структура литовской интеллигенции развивалась довольно односторонне и намного медленнее, нежели этого требовало модернизирующееся общество. Исследования литовского историка Римантаса Вебры показали, что в конце XIX – первых десятилетиях XX века основной профессиональной группой литовской интеллигенции было духовенство. Другая часть литовской интеллигенции работала в основном в сферах медицины и права [2, p. 182].

Проблема «утраченной интеллигенции» была диагностируема в литовском национальном дискурсе конца XIX – начала XX века. Как литовская интеллигенция пыталась решить эту проблему?

В первую очередь, особое внимание уделялось формированию национальной сознательности среди молодого поколения. Уже после отмены запрета на литовскую печать латиницей литовская интеллигенция стала активно выпускать периодические издания, предназначенные для учеников и студентов, призывая активно включиться в ряды литовской интеллигенции. В 1910 году литовская писательница Габриеле Петкевичайте-Бите так обращалась к молодежи: «Молодежь! Ведь вы птицы весны! Где вы, нам не хватает рук, чтобы литовскую нацию связать в один могущественный узел» [7, p. 2]. Следует заметить, что призывы литовской интеллигенции были выслушаны – например, в 1910 году литовская молодежь, которая училась в московских учебных заведениях, стала сама выпускать периодическое издание под символическим названием «Aušrinė» («Зорька»).

В конце XIX – начале XX века литовская интеллигенция также довольно серьезно говорила о создании литовских национальных семей

как одной из форм формирования и укрепления литовской национальной интеллигенции. Литовский историк Даля Марцинкевичене, которая исследовала структуру литовской семьи в «долгом XIX веке», заметила, что литовская интеллигенция рассматривала две стратегии формирования брачных узов [7, p. 93]. Одна часть литовской интеллигенции придерживалась «дворянской» стратегии, другая – «радикальной». Приверженцы «радикальной» стратегии считали, что литовский интеллигент, во имя сохранения литовской национальной идентичности, был обязан жениться лишь на девушке крестьянского происхождения и говорившей на литовском языке, вне зависимости от того, что многие из девушек получили лишь начальное образование. В то же время приверженцы «дворянской» стратегии утверждали, что интеллигенту просто необходимо иметь жену, равную по своему образовательному цензу. Поэтому они отдавали приоритет смешанным бракам с представительницами из дворянского сословия, большая часть которых говорила на польском языке, но нередко имела среднее образование.

В начале XX века большая часть литовской интеллигенции также считала необходимым все больше внимания уделять возможности сплотить говорящую на литовском языке интеллигенцию по своей профессиональной деятельности. В то время на литовском языке также появляются первые профессиональные периодические издания, например, «Mokytojas» (Учитель), «Gydytojas» (Врач), «Vargoninkas» (Органист), «Vaistininkas» (Аптекарь). «Здесь мы видим не только возможность удовлетворить профессиональные интересы, но и возможность создать новую интеллигенцию», – утверждал в 1909 году корреспондент одного из ведущих литовских периодических изданий «Вести Литвы» («Lietuvos žinios») [9, p. 2]. Кроме того, уже в начале XX века литовская интеллигенция призывала создавать отдельные клубы для интеллигенции на примере в то время действовавшего в Вильне Виленского городского клуба для лиц интеллигентных профессий. Этот клуб, который действовал в Вильне с 1908 года, объединял врачей, адвокатов, говоривших на русском, польском, литовском, идиш и белорусском языках. Клуб имел свою библиотеку, организовывал различного рода лекции, предлагал различные формы проведения свободного времени.

В конце XIX – первых десятилетиях XX века вместе с вопросом создания и консолидации литовской интеллигенции литовская интеллигенция стала заниматься и самокритикой. В 1910 году литовская писательница София Кимантайте-Чюрлюнене написала отдельную работу «Критический взгляд на интеллигенцию Литвы» («Lietuvoje: (kritikos žvilgsnis į Lietuvos inteligentiją)». В ней она упрекала литовскую интеллигенцию в том, что та отходит от простого народа, из которого, по сути, интеллигенция и вышла. Кроме того, Кимантайте-Чюрлюнене считала, что интеллигенция даже в частной жизни обязана вести себя подобающе. Литовская интеллиген-

ция упрекалась в том, что не умеет найти соответствующие формы препровождения свободного времени. Чаще всего она играет в карты, а хуже всего то, что «интеллигенция, которая больше и вкуснее ест, больше спит и более изысканно играет в карты», дает несоответствующий пример простому народу [10, p. 22]. Иначе говоря, Кимантайте-Чюрлюнене считала, что миссия интеллигенции – формировать национальную идентичность литовского общества – обязует саму интеллигенцию вести себя соответствующе и в частной среде.

Таким образом, уже в первых десятилетиях XX века литовская интеллигенция вместе со своей главной целью – формировать и развивать литовскую национальную идентичность – особое внимание уделяла вопросам формирования своей коллективной идентичности. То есть посредством использования дискурсивных практик литовская интеллигенция занималась самовоспитанием – устанавливала само понятие литовской интеллигенции и предлагала соответствующие формы поведения для интеллигенции.

Список использованных источников

1. *Bairašauskaitė, T.* Inteligentijos gimimas / T. Bairašauskaitė // Lietuvos istorija. I. IX: XIX amžius. – Vilnius: Baltos lankos. – 485 p.

2. *Vėbra, R.* Lietuvių visuomenė XIX a. antrojoje pusėje / R. Vėbra. – Vilnius: Mokslas, 1990. – 267 p.

3. Mokslo skyrius. Kalbos dalykai (Rašomosios kalbos kritikai) // Varpas. – 1904. – № 1. – P. 1.

4. *Basanavičius, J.* Iš šiaurių padangės / J. Basanavičius // Varpas. – 1898. – № 3. – P. 39.

5. *Smetona, A.* Skaudusis musu klausimas / *A. Smetona* // Viltis. – 1909. – № 144. – P. 3.

6. *Leonas, P.* Laiškas iš svetur / P. Leonas // Vilniaus žinios. – 1905. – № 145. – P. 3.

7. *Petkevičaitė-Bitė, G.* Žodis mųsų jaunuomenei / G. Petkevičaitė-Bitė // Lietuvos žinios. – 1910. – № 75. – P. 2.

8. *Marcinkevičienė, D.* Vedusiųjų visuomenė: santuoka ir skyrybos Lietuvoje XIX amžiuje – XX amžiaus pradžioje / D. Marcinkevičienė. – Vilnius: Vaga, 1999. – 221 p.

9. 1909 // Lietuvos žinios. – 1909. – № 59. – P. 2.

10. *Kymantaitė-Čiurlionienė, S.* Lietuvoje: kritikos žvilgsnis į Lietuvos inteligentiją / S. Kymantaitė-Čiurlionienė. – Vilnius: Juozapo Zavadzkio leidykla, 1910. – 83 p.

(Дата поступления: 22.09.2017)